Увидев, что Чэн Цзя, который три дня был в отпуске, снова появился в Ямэне, его начальники, коллеги и подчиненные по разным причинам навестили его. Хотя здесь была стена, хотя он находился во дворе друга, этого было достаточно, чтобы люди обратили внимание.

Чэн Цзя не обращал внимания на эти взгляды, просто уставившись на только что доставленную на стол копию официального документа.

От дороги Сычуань-Шу-Шаньси до юга реки Янцзы десять денег тихо обесценивались. Сначала один бизнес начал снижать стоимость десяти денег. Постепенно этот диапазон становился все больше и больше. В настоящее время в частном секторе в некоторых местах, в основном, цена составляет от одного до восьми. И не только для десяти долларов, в Цзяннани соотношение серебряных купюр также снижается. Хотя сейчас величина невелика, это сигнал! Половина из 30 миллионов женьшеней, вывезенных Чжэншитаном на войну, была оплачена солью-иньчаин, а половина - десятью долларами и серебряными купюрами. Из-за чрезмерной эмиссии соль-иньчаин уже стала настоящей вещью, которую невозможно обменять. Когда возникнет другая проблема с десятью монетами и серебряными купюрами, такое большое количество обязательно вызовет цепную реакцию.

Когда это вызовет панику, это будет уже не мало!

Кто занимается подобными вещами? Как только прозвучал этот вопрос, Чэн Цзя, естественно, подумала, кто это. Однако ее власть находится на юге реки Янцзы. Когда же она затронет столько мест? Нет, Хань Мянь последние два года действовал на Дороге Шэньси и в Чуаньшу, и вполне возможно, что он начнет проникать туда!

Что она хочет сделать? Разве она не говорила, что ее не интересуют такие вещи? Снаружи ее ждет такой большой мир, где море и небо, зачем заниматься таким опасным делом?

Из-за Ян Чжао?

Чэн Цзя, подхватив официальные документы, выскочил на улицу, бросился к внешней стороне Ямэня, запряг лошадь прямо на него и галопом помчался в сторону особняка Дингуо.

В результате этого страдает не только семья Чжао и дворяне, но и люди, которые страдают больше всех!

Зная, что именно ему Лин Цинъюй дал согласие на жизнь, Чэн Цзя не стал препятствовать, а бросился прямо к Гуангуаньюань и бросил официальный документ прямо на стол перед Лин Цинъюем.

"Ты когда-нибудь думал о результатах этого? Вся экономика Дачжоу рухнула, и кто пострадал больше всех? Простые люди! У них нет никаких средств защиты, если все их сбережения потеряны, если это вода, где они смогут выжить!" Чэн Цзя никогда не ревел так гневно перед Линь Цинъю. Его белое лицо раскраснелось от гнева, а глаза, которые всегда улыбались, также были полны гнева.

"Ты хочешь отомстить, причинить вред семье Чжао, и я помогу тебе! Но сколько вреда ты можешь причинить семье Чжао? Что будет с людьми, если они не смогут выжить!" Чэн Цзямэнь остановила свой голос и посмотрела на Линь Цинъюй Спокойное лицо было невероятно невероятным, с легкой дрожью: "Это твоя цель? Позволить им взбунтоваться? Ты пытаешься испортить эту большую неделю?"

Усмехнувшись, Яньци Лонгсворд был обнажен, и тонкое и острое лезвие по имени Лу прижалось к шее Чэн Цзя.

"Ты прав", - Линь Цинъюй сел на стул, посмотрел пальцами на официальный документ и сказал: "Я собираюсь уничтожить не только семью Чжао, я собираюсь уничтожить Великое Чжоу и династию семьи Чай. ."

Чэн Цзя почувствовала боль в сердце. Она закрыла глаза, а когда открыла их снова, ее взгляд был полон разочарования и боли, как бесконечное бесплодие после пожара, и сказала: "Ян Чжао действительно умер неправильно, но как ты можешь? Совершать такие поступки из-за этого? Уничтожить династию, как ты хочешь ее уничтожить?

Сначала разрушить экономику, а затем использовать силу Хэйшуйгуаня? Не будем говорить, смогут ли 100 000 человек в Хэйшуйгуане победить 400 000 Чжао и Бяньцзина. А как насчет 400 000 императорской армии? Не говоря уже о стольких Сянцзюнях! Нет, вы не сможете уничтожить эту династию, вы лишь позволите погибнуть и потерять жизни людей. В конце концов, больше всех погибнет народ, а больше всех пострадает страна!"

"И что?" Линь Цинъюй жестом приказал Янь Ци положить меч, налил стакан воды и поставил его перед Чэн Цзя с простым лицом: "Даже если я не буду проводить катализ, эти вещи всегда будут вспыхивать. То, что недавно сделал Чжэншитань, разве не заставляет людей умирать? Налоги постоянно растут. Управление Сичэн вернет землю невинных людей, а затем попросит народ выкупить ее. Налог на чай меняется с официального на торговый и с торгового на официальный. Сейчас снова меняется на торговый. У суда слишком много денег. Сколько чайных фермеров, чаеводов и торговцев чаем погибло и потеряло свои семьи? Теперь то же самое делает налог на соль. Если налог на соль будет пересмотрен в сторону увеличения цены на соль, сколько людей не выживет? Это просто для того, чтобы немного продвинуть время, но если у вас нет фундамента зала политических дел вашего императора, какой эффект я могу произвести от такой мелочи?"

"Но если ты не сделаешь этого, у нас еще есть время, чтобы избежать этого, и мы можем все изменить!"

"Не лги себе", - усмехнулся Линь Цинъюй и сказал: "Как долго мы знаем друг друга? Как долго я рассказывал тебе об этих кризисах? Можешь ли ты изменить это? Есть твой пёс император, те высокопоставленные чиновники, которые только и умеют, что бороться за власть и наживу. Эти королевские дети, которые видят только права, но не обязанности, можешь ли ты изменить это? Династия прогнила насквозь, почему ты должен ее менять?"

"Ты сказал, что у тебя нет такой идеи..." шипел Чэн Цзя. Он не мог опровергнуть это. Он знал о недостатках, но ничего не мог сделать.

"Раньше у меня не было такой идеи. Я просто хочу присоединиться к Ян Чжао и нашим друзьям. Мы строим свой собственный флот за границей. Мы летаем по всему миру, но, - с усмешкой сказал Линь Цинъюй. Мы не дадим нам способа выжить. В этом случае я позволю огню разгореться. Только когда все будет разрушено, мы сможем восстановить страну, место, где люди смогут жить и работать в мире, чтобы у простых людей был способ выжить". И чтобы у детей и внуков тоже был способ выжить. Чэн Цзя, знаете ли вы этот факт лучше всего в своем сердце? Не хочешь ли ты прояснить, кто тебе нужен - император или народ. Если ты хочешь императора, значит, ты не хочешь служить народу и стране. Знамя страны никогда не принадлежало одному человеку, а принадлежало всему народу. За пять тысяч лет истории

китайской нации сколько монархов сменилось? Кто сможет продержаться несколько поколений? В истории есть только нация, состоящая из нашей нации, она всегда была непобедимой и выживала. Если вы действительно делаете то, что говорите, для народа, то вы должны знать, что восстание народа никогда не вызывается провокацией человека, но общество и система заставляют его Если вы не можете жить, если люди Да Чжоу хотят восстать, то это точно не потому, что Лин Цинъю сделал их неспособными жить. Ты знаешь это лучше, чем кто-либо другой".

После паузы Линь Цинъюй поднял пиалу с чаем, отпил и сказал: "Я обещал людям, что после уничтожения старого государства они построят страну, которая будет по крайней мере лучше, чем сейчас, страну свободы, самоуважения и равенства. За это они без колебаний выплатят компенсацию. Заберите мою собственную жизнь. Чэн Цзя, я хочу уничтожить эту династию Чжоу ради мести, и восстановить страну ради обещаний, даже если этот путь будет трудным, даже если этот путь может сопровождать жизни всех вокруг меня, но теперь, когда все решено, я не вернусь назад."

"Включая собственную жизнь?" тупо спросил Чэн Цзя.

"Да, включая мою собственную жизнь.

" Линь Цинъюй кивнул, затем слегка улыбнулся.

"Значит, ты использовал меня, чтобы завоевать ученых и подготовиться к миру?" спросил Чэн Цзя с горечью в голосе.

"Если честно, я вообще-то смотрю на вас, ученых, свысока, кроме пустых разговоров? Что вы делаете для страны и народа, если утверждаете, что страна для народа? Ну, я вышел на улицы, чтобы получить правильное имя для Ян Чжао, но что вы делали до этой войны? У тебя педантичный ум, ты не знаешь, как работать, ты ничего не умеешь, но тебе приходится притворяться праведником, ученые ввели страну в заблуждение, а ты говоришь о них". Линь Цинъюй закончил говорить презрительно и вздохнул. Сказал: "Но нет никакого способа. Сейчас такая социальная структура. Если я хочу построить страну, мне, естественно, придется использовать ученых. Хотя я не знаю, сколько их можно использовать, но найти одного считается за одного".

Увидев, как побледнело лицо Чэн Цзя, Линь Цинъюй легонько похлопал его по щеке и улыбнулся: "Забудь об этом, я знал, что ты слишком умный, боюсь, что не смогу скрыть это от тебя. Не приходи сюда больше, я не хочу иметь с тобой ничего общего. Знаешь, уездный магистрат взял желтый шелк и сказал Чжао, который был весь в крови и только что убит с поля боя, что Ян Чжао устроил заговор, и император приказал арестовать его на месте, но не открыл дверь преследующим его сзади солдатам. Знаете, что я тогда подумал? Я слышал, что этот человек был Цзиньши или Цинлю, которого ты создал. Я также слышал, что это ты подстрекал Ян Чжао к битве, и это ты послал всего 30 000 солдат... Чэн Цзя, не приходи больше, я не могу не убить тебя..."

"Отпусти меня, ты не боишься, что я обвиню тебя?" Чэн Цзя тупо смотрел на нее. Видя холод в ее лице и глазах, низ ее сердца начал понемногу замерзать.

"Ты можешь попробовать". Голос Янь Ци был таким же холодным, как острие меча, который снова приставил к шее Чэн Цзя.

Чэн Цзя не знал, как он вышел, но когда за ним закрылась дверь, а голос Янь Ци холодно

приказал, чтобы впредь никого не пускали, Чэн Цзя только почувствовал, что мир перед ним стал серым.

"Чэн Цзя!" Ван Сюаньчжи два раза обошел вокруг двери и не пришел. Когда он уже собирался вернуться, то увидел, что дверь открылась, и вышедший Чэн Цзя пошатнулся, из него хлынула кровь, и он упал, занятый делом. С восклицанием он бросился вперед и обнял его с земли. Когда он уже собирался позвать людей особняка Дингуо, чтобы они открыли дверь, Чэн Цзя нежно взял его за руку.

"Отправьте меня... вернитесь в особняк Чэн...". Сразу после этих слов Чэн Цзя потерял сознание.

"Можно ли его отпустить?" Янь Ци поспешил вернуться в Гуангуаньюань и спросил Лин Цинъюя. Этот человек слишком умен, и может сделать столько выводов на основе такого простого документа. Если он не может быть использован ею, то он должен быть самым большим врагом.

"Он не скажет правду". облегченно сказал Линь Цинъюй, перелистывая несколько официальных документов. Хотя я ненавижу эти прозрачные потоки, неоспоримо, что Чэн Цзя действительно хорош, честен и заслуживает доверия. Даже если он знает ее план, он не будет заниматься такими вещами, как доносительство. Он принимает ее любовь и не причинит такого вреда. Ее обезглавили, но он остановится...

Потирая лоб, Линь Цинъюй почувствовал головную боль. Если бы Чэн Цзя был вовлечен в травму, чтобы остановить его, это было бы действительно неприятно.

"Если он действительно создает проблемы, убейте его..." Линь Цинъюй вздохнул и сказал: "Да, в любом случае, он уже виновен. Отнесите письмо господину Чжу, чтобы он попросил найти другой путь, этого ученого из Бяньцзина. , Мы не можем понять. Эти дворфы или еще кто, дайте нам поиграть самим".

Увидев, что Чэн Цзя, который три дня был в отпуске, снова появился в Ямэне, его начальники, коллеги и подчиненные - все пришли по разным причинам. Хотя там была стена, хотя это было во дворе друга, этого было достаточно, чтобы люди обратили внимание.

Чэн Цзя не обращал внимания на эти взгляды, просто уставившись на копию официального документа, только что доставленную на стол.

От дороги Сычуань-Шу-Шаньси до юга реки Янцзы десять денег тихо обесценивались. Сначала один бизнес начал снижать стоимость десяти денег. Постепенно этот диапазон становился все больше и больше. В настоящее время в частном секторе в некоторых местах, в основном, цена составляет от одного до восьми. И не только для десяти долларов, в Цзяннани соотношение серебряных купюр также снижается. Хотя сейчас величина невелика, это сигнал! Половина из 30 миллионов женьшеней, вывезенных Чжэншитаном на войну, была оплачена солью-иньчаин, а половина - десятью долларами и серебряными купюрами. Из-за чрезмерной эмиссии соль-иньчаин уже стала настоящей вещью, которую невозможно обменять. Когда возникнет другая проблема с десятью монетами и серебряными купюрами, такое большое количество обязательно вызовет цепную реакцию.

Когда это вызовет панику, это будет уже не мало!

Кто занимается подобными вещами? Как только прозвучал этот вопрос, Чэн Цзя, естественно,

подумала, кто это. Однако ее власть находится на юге реки Янцзы. Когда же она затронет столько мест? Нет, Хань Мянь последние два года действовал на Дороге Шэньси и в Чуаньшу, и вполне возможно, что он начнет проникать туда!

Что она хочет сделать? Разве она не говорила, что ее не интересуют такие вещи? Снаружи ее ждет такой большой мир, где море и небо, зачем заниматься таким опасным делом?

Из-за Ян Чжао?

Чэн Цзя подхватил официальные документы и бросился на улицу, выскочил на улицу Ямэнь, запряг лошадь и галопом помчался в сторону особняка Динго.

В результате этого страдает не только семья Чжао и вельможи, но и люди, которые страдают самым непосредственным образом!

Зная, что он был человеком, которому Лин Цинъюй согласился жить, Чэн Цзя не стал препятствовать, а бросился прямо к Гуангуаньюань, и бросил официальный документ прямо на стол перед Лин Цинъюем.

"Ты когда-нибудь думал о результатах этого? Вся экономика Дачжоу рухнула, и кто пострадал больше всех? Простые люди! У них нет никаких средств защиты, если все их сбережения потеряны, если это вода, где они смогут выжить!" Чэн Цзя никогда не ревел так гневно перед Линь Цинъю. Его белое лицо раскраснелось от гнева, а глаза, которые всегда улыбались, также были полны гнева.

"Ты хочешь отомстить, причинить вред семье Чжао, и я помогу тебе! Но сколько вреда ты можешь причинить семье Чжао? Что будет с людьми, если они не смогут выжить!" Чэн Цзямэнь остановила свой голос и посмотрела на Линь Цинъюй Спокойное лицо было невероятно невероятным, с легкой дрожью: "Это твоя цель? Позволить им взбунтоваться? Ты пытаешься испортить эту большую неделю?"

Усмехнувшись, Яньци Лонгсворд был обнажен, и тонкое и острое лезвие по имени Лу прижалось к шее Чэн Цзя.

"Ты прав", - Линь Цинъюй сел на стул, посмотрел пальцами на официальный документ и сказал: "Я собираюсь уничтожить не только семью Чжао, я собираюсь уничтожить Великое Чжоу и династию семьи Чай. ."

Чэн Цзя почувствовала боль в сердце. Она закрыла глаза, а когда открыла их снова, ее взгляд был полон разочарования и боли, как бесконечное бесплодие после пожара, и сказала: "Ян Чжао действительно умер неправильно, но как ты можешь? Совершать такие поступки из-за этого? Уничтожить династию, как ты хочешь ее уничтожить? Сначала разрушить экономику, а потом использовать силу Хэйшуйгуань? Не будем говорить, смогут ли 100 000 человек в Хэйшуйгуане победить 400 000 Чжао и Бяньцзина. А как насчет 400 000 императорской армии? Не говоря уже о таком количестве сянжунов!

Нет, вы не сможете уничтожить эту династию, вы лишь допустите гибель людей и жизни. В конце концов, больше всего погибнет людей, а больше всего пострадает страна!"

"И что?" Лин Цинъюй жестом приказал Янь Ци опустить меч, налил стакан воды и поставил его перед Чэн Цзя с простым лицом: "Даже если я не буду проводить катализ, эти вещи всегда будут вспыхивать. То, что недавно сделал Чжэншитань, разве не заставляет людей умирать?

Налоги постоянно растут. Управление Сичэн вернет землю невинных людей, а затем попросит народ выкупить ее. Налог на чай меняется с официального на торговый и с торгового на официальный. Сейчас снова меняется на торговый. У суда слишком много денег. Сколько чайных фермеров, чаеводов и торговцев чаем потеряли свои жизни и лишились своих семей? Теперь то же самое делает налог на соль. Если налог на соль будет пересмотрен в сторону увеличения цены на соль, сколько людей не выживет? Это просто для того, чтобы немного продвинуть время, но если у вас нет фундамента зала политических дел вашего императора, какой эффект я могу произвести от такой мелочи?"

"Но если ты не сделаешь этого, у нас еще есть время, чтобы избежать этого, и мы можем все изменить!"

"Не лги себе", - усмехнулся Линь Цинъюй и сказал: "Как долго мы знаем друг друга? Как долго я рассказывал тебе об этих кризисах? Можешь ли ты изменить это? Есть твой пёс император, те высокопоставленные чиновники, которые только и умеют, что бороться за власть и наживу. Эти королевские дети, которые видят только права, но не обязанности, можешь ли ты изменить это? Династия прогнила насквозь, почему ты должен ее менять?"

"Ты сказал, что у тебя нет такой идеи..." шипел Чэн Цзя. Он не мог опровергнуть это. Он знал о недостатках, но ничего не мог сделать.

"У меня и раньше не было такой идеи. Я просто хочу присоединиться к Ян Чжао и нашим друзьям. Мы строим свой собственный флот за границей. Мы летаем по всему миру, но, - с усмешкой сказал Линь Цинъюй. Мы не дадим нам способа выжить".

В этом случае я позволю огню немного разгореться. Только когда все разрушено, мы можем восстановить страну, место, где люди могут жить и работать в мире, чтобы у простых людей был способ выжить. И чтобы у детей и внуков тоже был способ выжить. Чэн Цзя, знаете ли вы этот факт лучше всего в своем сердце? Не хочешь ли ты прояснить, кто тебе нужен - император или народ. Если ты хочешь императора, значит, ты не хочешь служить народу и стране. Знамя страны никогда не принадлежало одному человеку, а принадлежало всему народу. За пять тысяч лет истории китайской нации сколько монархов сменилось? Кто из них может просуществовать несколько поколений? В истории есть только нация, состоящая из нашей нации, она всегда была непобедимой и выживала. Если вы действительно делаете то, что говорите, для народа, то вы должны знать, что восстание народа никогда не вызывается провокацией человека, но общество и система заставляют его Если вы не можете жить, если люди Да Чжоу хотят восстать, то это точно не потому, что Лин Цинъю сделал их неспособными жить. Ты знаешь это лучше, чем кто-либо другой".

После паузы Линь Цинъюй поднял чашку с чаем и отпил, сказав: "Я обещал людям, что после уничтожения старого, они построят страну, которая будет по крайней мере лучше, чем сейчас, страну свободы, самоуважения и равенства. За это они без колебаний выплатят компенсацию. Заберите мою собственную жизнь. Чэн Цзя, я хочу уничтожить эту династию Чжоу ради мести, и восстановить страну ради обещаний, даже если этот путь будет трудным, даже если этот путь может сопровождать жизни всех вокруг меня, но теперь, когда все решено, я не вернусь назад."

"Включая собственную жизнь?" тупо спросил Чэн Цзя.

"Да, включая мою собственную жизнь". Линь Цинъюй кивнул, а затем слегка улыбнулся.

"Значит, ты использовал меня, чтобы завоевать ученых и подготовиться к миру?" с горечью в

голосе спросил Чэн Цзя.

"Честно говоря, я смотрю на вас, ученых, свысока, кроме пустых разговоров? Что вы делаете для страны и народа, если утверждаете, что страна для народа? Ну, я вышел на улицы, чтобы получить правильное имя для Ян Чжао, но что вы делали до этой войны? У тебя педантичный ум, ты не знаешь, как работать, ты ничего не умеешь, но тебе приходится притворяться праведником, ученые ввели страну в заблуждение, а ты говоришь о них". Линь Цинъюй закончил говорить презрительно и вздохнул. Сказал: "Но выхода нет. Сейчас такая социальная структура. Если я хочу построить страну, мне, естественно, придется использовать ученых. Хотя я не знаю, сколько их можно использовать, но один считается за одного".

Увидев, как побледнело лицо Чэн Цзя, Линь Цинъюй легонько похлопал его по щеке и улыбнулся: "Забудь об этом, я знал, что ты слишком умный, боюсь, что не смогу скрыть это от тебя. Не приходи сюда больше, я не хочу иметь с тобой ничего общего. Знаешь, уездный магистрат взял желтый шелк и сказал Чжао, который был весь в крови и только что убит с поля боя, что Ян Чжао устроил заговор, и император приказал арестовать его на месте, но не открыл дверь преследующим его сзади солдатам. Знаете, что я тогда подумал? Я слышал, что этот человек был Цзиньши или Цинлю, которого ты создал. Я также слышал, что это ты подстрекал Ян Чжао к битве, и это ты послал только 30 000 солдат... Чэн Цзя, не приходи больше, я не могу не убить тебя..."

"Отпусти меня, ты не боишься, что я обвиню тебя?" Чэн Цзя тупо смотрел на нее. Видя холод в ее лице и глазах, низ ее сердца начал понемногу замерзать.

"Ты можешь попробовать". Голос Янь Ци был таким же холодным, как острие меча, которое снова приставили к шее Чэн Цзя.

Чэн Цзя не знал, как он вышел, но когда за ним закрылась дверь, а голос Янь Ци холодно приказал, чтобы впредь никого не пускать, Чэн Цзя только почувствовал, что мир перед ним стал серым.

"Чэн Цзя!" Ван Сюаньчжи два раза обошел вокруг двери и не пришел. Когда он уже собирался вернуться, то увидел, что дверь открылась, и Чэн Цзя, который вышел, пошатнулся, из него хлынула кровь, и он упал, занятый делом. С восклицанием он бросился вперед и обнял его с земли. Когда он уже собирался позвать людей особняка Дингуо, чтобы они открыли дверь, Чэн Цзя нежно взял его за руку.

"Отправьте меня... вернитесь в особняк Чэн...". Сразу после этих слов Чэн Цзя потерял сознание.

"Можно ли его отпустить?" Янь Ци поспешил вернуться в Гуангуаньюань и спросил Лин Цинъюя. Этот человек слишком умен, и может сделать столько выводов на основе такого простого документа. Если он не может быть использован ею, то он должен быть самым большим врагом.

"Он не скажет правду". облегченно сказал Линь Цинъюй, перелистывая несколько официальных документов. Хотя я ненавижу эти прозрачные потоки, неоспоримо, что Чэн Цзя действительно хорош, честен и заслуживает доверия. Даже если он знает ее план, он не будет заниматься такими вещами, как доносительство. Он принимает ее любовь и не причинит такого вреда. Ее обезглавили, но он остановится...

Потирая лоб, Линь Цинъюй почувствовал головную боль. Если бы Чэн Цзя был вовлечен в травму, чтобы остановить его, это было бы действительно неприятно.

"Если он действительно создает проблемы, убейте его..." Линь Цинъюй вздохнул и сказал: "Да, в любом случае, он уже виновен. Отнесите письмо господину Чжу, чтобы он попросил найти другой путь, этого ученого из Бяньцзина. , Мы не можем понять. Эти дворы или что-то в этом роде, дайте нам поиграть самим".

http://tl.rulate.ru/book/15727/2534911